

Ужин состоял из хлеба, горячей воды и витаминов, выданных в больнице. Будучи неопытными поварами, мы и не думали готовить сложные блюда. Юн Пал попытался приготовить кашу из печенья, которую мы ели в Жилом Комплексе, но старик лишь хлопнул его по спине. Однако, хлеб и горячая вода казались вкуснее после всей этой суеты. За едой молчали, пока Юн Пал не нарушил тишину.

— Братан, какие планы дальше?

Ребята подняли глаза от еды и выжидающе уставились на меня. Да, задание провалилось, а люди, с которыми мы пытались заключить сделку, оказались бандитами. Однако, нужно было решать, что делать дальше.

Я тихонько вздохнул и повернул голову. Там, куда упал мой взгляд, лежал пленник, дрожа в агонии.

— Мфгх!

Рот его был зажат кляпом, однако он продолжал мычать. Судя по всему, бойцы хорошо его побили, но мужчина, плачущий кровавыми слезами от боли в раздробленных костях, сумел продержаться дольше, чем ожидалось.

— Как только закончим есть, мы со Старым допросим его. А вы отдохните и присмотрите за периметром.

Это не то решение, которое следовало принимать поспешно. Мы облажались, но были готовы найти еще варианты.

Посмотрели на пленника, который мог дать ключ к разгадке. Глаза старика были острыми, а выражение лиц ребят, когда они ели, — убийственным. Допрос будет ужасным. Все знали, но молчали. А луна была свидетелем того, что происходило в темноте.

— Ублюдки делают это не в первый раз. Наверняка знали, что в Зоне есть выжившие.

Вещи были разбросаны на столе, и, перебирая их одну за другой, старик сплевывал на пол и говорил, если находил какие-нибудь зацепки. Не раз и не два...Я тоже это знал.

Оторвал взгляд от боли в его глазах и подошел к вещам, которые рассматривал Старый. Коричневая записная книжка размером с мой дневник была заполнена длинным списком людей.

Даты стояли как месяц назад, так и неделю назад. Судя по всему, мы были не единственными, кто контактировал с контрабандистами, и имен здесь довольно много.

Но всех их объединяло то, что люди пытались выбраться из Зоны отчуждения, а рядом с ними красной ручкой поставлен крестик. Рядом с крестиками слова "в процессе" и "сделано". О том, что означают эти слова.....мог догадаться любой идиот.

Всего 102 жертвы. Десять из них помечены непонятными синими надписями, 90 - красными, и только две были без пометок. Чан Сик и Мин Чжон.

Если бы меня там не было или я бы немного ослабил бдительность, эти двое умерли бы, и никто не узнал правды. Я постучал указательным пальцем по блокноту и спросил жёстко.

— Так вы убили их всех?

Эти люди были выжившими, которые пытались не умереть в Зоне и грели надежду, что смогут выбраться отсюда. Однако, из-за чужой жадности к деньгам, их души теперь навсегда остались в сером Городе.

Но контрабандисты совсем не испытывали мук совести, продолжая свое дело, и даже попытались напасть на нас. От этого мне стало печально, что они ничем не отличаются от бродяг.

Я снял с пленника кляп, но ответом мне был звериный взгляд и непонятные слова на китайском. Пока я думал о несправедливости жизни, Старый подошел к нему и непринужденно ударил куском бетона по лицу. Контрабандист взвыл и заскрипел зубами, а старик заткнул ему рот и прошипел.

— Я знаю, что ты говоришь по-корейски, мразь.

Старый был уверен, этот парень прекрасно понимает, что мы говорим, и у него не выйдет корчить из себя идиота, который знает только китайский. Мы могли развязать язык самому злобному бродяге, а выходки этого человка кажутся детскими шалостями. Старый схватил пленника за волосы.

— Я знаю одного отличного врача. Он точно не даст тебе просто умереть, — сказал он.

О, да, для нас Ким был ангелом в белом халате, а для этого парня он станет дьяволом. Только если мы до того времени ничего с ним не сделаем. Контрабандист яростно пучил глаза, словно сейчас что-то скажет, но лишь тихо застонал от боли в лице.

Я молча достал меч и подошел к нему, в то время как старик рядом задумчиво царапал металлическим прутом неизвестного происхождения по бетонному полу, и тихо задал ему

вопрос.

— Как ты думаешь, как далеко мы можем зайти?

Интересно, что сказали бы люди из нашей прошлой жизни, увидев нас сейчас. Как можно так легко пытаться людей или убивать их? Этика и мораль говорят, что так делать нельзя, но в жизни все гораздо проще, чем кажется.

Когда я совершал подобные поступки, Старый всегда говорил: "Ты просто чувствуешь себя виноватым, боишься себя. Это совершенно нормально, однако, если тебе приходится так поступать, то смирись".

Это ничто по сравнению со смертью.

— Брат, давай поедим!

Я почувствовал, как кто-то трясет меня, и с трудом открыл глаза. Передо мной стоял Юн Пал с взволнованным лицом, а в ноздри ударил странный вкусный аромат. Неужели Су Рён пришла сюда без моего ведома? Пахло так, словно готовился завтрак, и это точно не было похоже на то, что готовила наша группа.

Я в недоумении поднялся со своего места и заметил рядом со мной старика, который возился с огнестрельным оружием.

— Что происходит?

— Проснулся? Девчонка готовит завтрак.

Девчонка? А, Мин Чжон? И видимо хорошо готовит, если Старый говорит об этом так беззаботно. Я растираю лицо, все еще чувствуя последствия вчерашнего позднего сна, и пью воду, которую предлагает Юн Пал.

Затем повернул голову в сторону аппетитного запаха, а там, в отличие от вчерашнего дня, стояла энергичная женщина и что-то варила на конфорке.

Длинные волосы завязаны в тугий пучок, она пытит и отдувается перед раскаленной конфоркой, совсем не похожая на себя вчерашнюю. Ким Чан Сик рядом усердно помогает.

Я слабо улыбнулся в предвкушении еды. Впервые за долгое время нам готовил кто-то не из

нашей команды.

В итоге мы получили суп и вареные яйца. Когда я спросил, откуда взялись продукты, они ответили, что из палатки контрабандистов. Там было много денег и других вещей, которые могли бы нам пригодиться.

Приступили к сытному завтраку из горячего супа и хлебцев, тихо беседуя и выглядя более бодрыми, чем вчера. В конце трапезы я сказал ребятам.

— Прошлой ночью мы закончили допрос.

Они знают, что допрос состоялся, но без подробностей. Конечно, хотят знать, но не решаются спросить, потому что видели, как мы выглядели, когда вчера вернулись с допроса, и ждут, что я сам расскажу.

И когда я заговорил, они отложили столовые приборы и сосредоточили все свое внимание на мне. Вкратце объяснил то, что мы услышали вчера вечером.

Во-первых, маршрут, по которому они вводили и выводили людей с Зоны, был разным.

Во-второй, из стран, по которым был нанесен значительный удар, тоже идет массовая эвакуация. Конечно, пока нет свержения государства, но есть места вне пределов досягаемости правительственной защиты, и туда прибывают беженцы, как, например, в Южной Корее.

Группа контрабандистов за деньги перевозила беженцев за границу Зоны. Со временем это превратилось в отвратительную схему, но когда я впервые услышал об этом, подумал, что звучит довольно убедительно.

Нам со стариком удалось узнать у него название, местонахождение и номер телефона организации, которая нелегально вывозила беженцев. Пленник рассказал нам все, после того как его подвергли страшным пыткам, до самого конца умоляя пощадить. Он сказал, что проведет журналистов, возьмет на себя ответственность, но ответа ему не суждено было услышать. Его постигла та же участь, что и выживших, которые казались ему такими нелепыми.

Выслушав всю историю, группа отреагировала вполне положительно, кивая головами в знак согласия, и даже журналисты немного взбодрились. Затем Юн Пал поднял руку, чтобы спросить.

— Кто еще может пойти с нами?

Контрактная сторона превратилась из розничного торговца в оптового, а это значит, что

можно вывести много людей, а не только относительно небольшое число. Мы со стариком не подумали об этом, и я спросил его, сколько человек может сбежать, но ответ, который получил, начисто отбросил эту идею. Старый сказал.

— Либо все, либо вообще никто.

Возможно, нашей группе удастся сбежать, но как же остальные, кто остался в Эдеме? Ковчег был слишком мал, чтобы вместить их, и меня посетила неприятная мысль: а что, если мы единственные, кому удастся спастись?

Даже когда писал в дневнике, эта мысль вызывала отвращение, и я не хотел даже рассматривать такой вариант. Я помнил, что должен держать эту историю при себе, чтобы не допустить хаоса в Эдеме.

— Давайте пополним запасы в Эдеме, а потом перенесем встречу на другое время.

Теперь у нас действительно мало времени. Мы дадим себе день на перегруппировку и как можно скорее свяжемся с организацией контрабандистов. Цель изменилась, но задача осталась прежней.

Быстро закончили завтрак и стерли все следы нашего присутствия. Затем, когда уже собирались отправиться в Эдем, Старый сделал мне и моим спутникам небольшое предложение.

Все девяносто жертв контрабандистов пропали без вести или были выброшены в этом районе. Трупы даже не удосужились похоронить, оставив на обочине дороги, но все эти люди так или иначе стали едой монстров. Мы решили почтить этих, теперь уже безымянных, выживших минутой молчания.

Путь до Эдема занял четыре часа. Я отпустил отряд и быстро распаковал снаряжение и багаж. Едва переведя дух, созвал всех чиновников и сообщил о провале операции, проведенной накануне.

Однако их, похоже, больше интересовало, все ли у нас в порядке. Когда я улыбнулся и заверил их, что потерь нет, они вздохнули с облегчением.

Атмосфера была теплой, и я воспользовался моментом, чтобы объяснить им, какие новые меры мы приняли. Тихий кабинет быстро превратился в шумный, и люди начали лихорадочно обмозговывать принесенную мной информацию, составляя план. Наконец, появилась примерная схема, а день превратился в вечер. Я взгляделся в темноту и испустил долгий вздох.

Не знаю, что вообще происходит с моей жизнью. Я устал сидеть в конференц-зале, а часы и дни проходят быстро. Молча размышляя о течении времени, потянулся к спутниковому телефону, чтобы сделать последний звонок за день.

Контрабандист назвал точный номер и местоположение. Я планировал связаться с организацией здесь, в присутствии сотрудников, чтобы как можно скорее ее осуществить задуманное.

Набрал номер, и, к облегчению, звонок пошел. Приглушенный звук соединения через телефонную трубку заставил замолчать всех собравшихся, и в помещении воцарилась напряженная атмосфера.

Контрабандисты — этого было достаточно, чтобы проникнуться чувством осторожности: те, с кем ты ведешь дела, могут стать врагом в любой момент. Я встретился взглядом со Старым, в его глазах была решимость, и молча ждал ответа с другой стороны.

Наконец, человек на том конце взял трубку: я услышал вздох. Я продолжал молчать с серьезным выражением лица, ожидая ответа, но другой человек тоже молчал. Через минуту я сдался и заговорил.

— У нас двое. Мужчина и женщина.

Я должен был вытащить их с Зоны, несмотря ни на что. Теперь предстояло сделать это единственным возможным способом, но я не проявлял нетерпения. Вздохнул и попытался успокоить колотящееся сердце. Затем поднялся со своего места во главе, и все взгляды устремились на меня. За окном я увидел Эдем, когда темнота сменилась тишиной.

[Ты кто такой, этот номер только два ублюдка знали.]

Голос на другом конце линии неожиданно оказался женским, но говорила она грубо, выражая сильную враждебность по отношению ко мне. Только двое знали этот номер, и звонок на него от неизвестного заставил ее насторожиться. Но мне не хочется объясняться, поэтому повторяю фразу твердо.

— У нас двое. Мужчина и женщина.

[Не знаю, кто ты такой, но мы не ведем дел с незнакомцами. Если не хочешь проблем, мудила, вешай трубку].

Хамство женщины бьет по барабанным перепонкам, но я щелкаю пальцами, не меняя выражения лица, услышав отказ, и кривлю губы от неприятных предчувствий с самого начала. Похоже, эти люди уже знали, что мы убили контрабандистов.

Открыл рот, инстинктивно понимая, что больше не смогу нормально разговаривать с этим хамлом в трубке, и рявкнул.

— Я знаю, где вы находитесь.

Я выяснил это, отрезав пленнику три пальца. По какой-то причине у них было две базы: в Зоне и за ней. Я знал местоположение только одной из них, здешней, и мои слова были чистым шантажом. "Я знаю, где вы находитесь, и если не пойдете на сделку, то могу прийти к вам". Конечно, это был блеф.

Как только она услышала меня, то захихикала в недоумении. Вскоре поняла, что я ей угрожаю, и начала ржать во весь голос. Я слушал хохот в трубке и ждал, что ответит собеседница. В кончиках пальцев покалывало, и я вспомнил ощущения прошлой ночи, когда отрезал контрабандисту пальцы.

Женщина вдруг перестала смеяться и прошипела сквозь зубы.

[Ты ничё не попутал? Убил наших и не понимаешь, во что вляпался?]

Однако, я не ответил, делая медленный вдох. Другого пути нет, поэтому придется идти вперёд.

[Чё молчишь, выродок? Даже если ты и знаешь, где мы...]

— Завтра , — перебил я.

Наши отношения с контрабандистами испортились с того самого момента, как мы их убили. Как и их товарищи, эти оказались враждебными и не желали контактировать с нами, но я без лишних колебаний отказался от мирного пути.

Не собираюсь сдаваться. Надо как-то вытащить журналистов за отцепление, а эти ребята — единственный способ. Если они сами не пойдут на сделку, мы заставим. Я надеялся, что они будут более сговорчивыми.

— Завтра приду.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4875596>